

УДК 821.161.1-31. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-1-67-74. ББК Ш33(2Рос=Рус)-3.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

СЮЖЕТ СПЛАВА В ПРОЗЕ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА И А. ИВАНОВА

Тагильцев А. В.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-7161-6422>

SPIN-код: 6057-6073

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются элементы уральского культурного ландшафта в классической и современной прозе. Объектом исследования становится сюжет сплава «железных караванов» по Чусовой и мир уральской реки как устойчивый топос. Литературоведы отмечают, что образы реки и сплава занимают важное место в творчестве классика уральской литературы Д. Н. Мамина-Сибиряка и современного российского писателя Алексея Иванова.

В исследовании выявляются преемственность литературной традиции в прозе двух авторов и различия, связанные с меняющимся литературным контекстом, жанровыми и стилевыми особенностями произведений, которые касаются в том числе очерковой природы прозы Д. Мамина-Сибиряка и традиций авантюрно-приключенческого исторического романа у А. Иванова. При этом в книгах А. Иванова (особенно в «Message: Чусовая» и «Золото бунта») сохраняется связь с предшественником, запечатлевшим образ сплава на реке Чусовой как важную часть уральской истории.

Особое внимание уделяется сюжетной организации и системе персонажей, а также взаимосвязи образов природы и культурного ландшафта Урала, связанного с деятельностью человека, меняющего окружающую среду и в то же время живущего по законам этого мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а : мир реки; сплав; культурный ландшафт; сюжет; очерк; роман

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тагильцев, А. В. Сюжет сплава в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. Иванова / А. В. Тагильцев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 67–74. – DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-1-67-74.

THE PLOT OF IRON ORE RAFTING IN THE WORKS OF D. N. MAMIN-SIBIRYAK AND A. IVANOV

Alexander V. Tagiltsev

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-7161-6422>

A b s t r a c t . The article examines elements of the Urals cultural landscape in classical and modern fiction. The scope of the study embraces the plot of “iron caravans” rafting iron ore along the Chusovaya river and the world of a Urals river as a stable topos. Literary critics note that the images of the river and iron ore rafting take up an important place in the novels of the classic of the Urals literature D. N. Mamin-Sibiryak and the modern Russian writer A. Ivanov.

The study reveals the continuity of the literary tradition in the prose of the two authors and the differences associated with the changing literary context, genre and style features of the works, which relate, among other things, to the essay nature of the prose of Mamin-Sibiryak and the traditions of the historical adventure novel by Ivanov. At the same time, in the books of Ivanov (especially in the “Message: Chusovaya” and “The Gold of Revolt”) the connection with the predecessor, who had captured the iron ore rafting on the Chusovaya River as an important part of the Urals history, still remains.

Special attention is paid to the plot organization and the system of characters, as well as the interrelation between the images of nature and the cultural landscape of the Urals associated with the activity of man, changing the environment and, at the same time, living in accordance with the laws of this world.

Key words : world of the river; iron ore rafting; cultural landscape; plot; essay; novel

For citation : Tagiltsev, A. V. (2024). The Plot of Iron Ore Rafting in the Works of D. N. Mamin-Sibiryak and A. Ivanov. In *Philological Class*. Vol. 29. No. 1, pp. 67–74. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-1-67-74.

Сплав по реке стал узнаваемым сюжетным элементом, с помощью которого создается образ Урала и конструируется региональный ландшафт. Вслед за В. Л. Каганским мы считаем продуктивным не разделять ландшафт природный и культурный: «Всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей – культурный ландшафт, если <...> группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [Каганский 2001: 24]. Сплав по уральской реке и его отражение в художественной культуре представляют собой яркий пример соединения утилитарной, семантической и символической ситуации.

В. В. Абашев, реконструируя очертания перм-

ского текста в русской культуре, считает: «Формирование подобного локального ... текста – закономерное следствие и продукт исторической и культурной деятельности. Человек не только физически изменяет ландшафт и не только утилитарно с ним взаимодействует <...> Человек неизбежно семиотицирует место своей жизни и приобщает его тем самым к семиосфере национальной культуры» [Абашев 2008: 35–36]. Пермский локальный текст в череде других, названных автором – петербургского, московского, сибирского, провинциального, – может восприниматься как наиболее оформленный и выстроенный случай общей традиции, в рамках которой создается литературный образ Урала. Эмпирически ее наличие фиксируется в

художественной литературе уже в XIX веке. Например, две книги очерков Д. Н. Мамина-Сибиряка называются «Уральские рассказы» и «Сибирские рассказы». В основе региональных различий лежит специфика пространства, культурного ландшафта, а также некоторые особенности «ментальных свойств живущих там людей» (подробнее об этом в статье Л. М. Митрофановой) [Митрофанова 2008: 132].

Сплав становится характерной и узнаваемой ситуацией в уральской литературе. Это поход по полноводной весенней или осенней реке в промышленных, торговых, позже – туристических целях. Риск во время сплава по уральским рекам связан с бурным течением, узостью русла, наличием порогов и крупных прибрежных скал или камней, известных под названием «бойцы» (так как они разбиваются плывущие суда). Для современного читателя знакомство с этой темой нередко начинается с творчества Алексея Иванова. Сплав занимает важное место в его романах, действие которых географически связано с Уралом: «Географ глобус пропил», «Сердце пармы», «Золото бунта»; а также в документальных книгах «Message: Чусовая» и «Хребет России». Это может быть туристический поход («Географ глобус пропил»), путеводитель по прошлому и настоящему («Message: Чусовая») или художественная реконструкция исторических плаваний по уральским рекам («Сердце пармы», «Золото бунта»).

Сам писатель знаком с темой не понаслышке, он многократно сплавлялся по описанным им маршрутам. Кроме того, А. В. Иванов – искусствовед, знаток истории и культуры Урала. Образ сплава в его книгах создается не только с опорой на исторические документы и личный опыт автора. Писатель не может игнорировать и предшествующую литературную традицию, а это в первую очередь путевые очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Исследование сюжета сплава, который развивается в одних и тех же географических координатах, позволит увидеть и возможные повторы в создающемся образе мира, и различия в мировоззрении авторов, принадлежащих к разным литературным эпохам и выбирающих непохожие художественные стратегии для освоения уральского пространства.

В сочинениях Д. Н. Мамина-Сибиряка представлена целая энциклопедия уральской жизни XVIII–XIX веков. Писатель, родившийся и выросший на Урале, много путешествовал по родному краю, был свидетелем и участником сплавов, в том числе в составе «железных караванов». Ведь до постройки железной дороги Чусовая была главной транспортной артерией, по которой перевозили продукцию уральских заводов. Биограф пишет: «Путешествовал Дмитрий Наркисович вверх и вниз по Чусовой в 1868, 1869 и 1870 годах. А также несколько раз с 1878 по 1882 года, о чем позже вспоминал в своей автобиографии» (и с 1882 года начинают публиковаться очерки, составившие книгу «Уральские рассказы») [Паэгле 2017: 82].

Неудивительно, что образ уральской реки и

жизни на ее берегах стал одним из центральных в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка. Важность обращения к теме Чусовой на протяжении всего творчества писателя отмечает И. А. Дергачев [Дергачев 1981: 14]. образу реки в ранней прозе посвящена статья Н. А. Кунгурцевой, его особенности обнаруживаются в «объединении архаических контуров мира реки и мифопоэтического ее видения с историческим и социальным контекстом жизни людей современной автору эпохи» [Кунгурцева 2007: 257].

Сюжеты промышленного сплава появляются в ряде очерков писателя: «На Чусовой» (1881), «Чусовая» (1882), «В камнях. Из путешествий по реке Чусовой» (1882) и «На реке Чусовой» (1883). Мотивы сплава есть и в более ранних рассказах – «Не задалось» (1876) и «Русалки. Из народного быта» (1876). Более подробно о генезисе сюжета сплава в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка можно прочитать в комментариях к очерку «Бойцы» пятого тома полного собрания сочинений писателя [Мамин-Сибиряк 2011: 886–887].

В 1880-е годы Мамин-Сибиряк работает над «Уральскими рассказами», ставшими важным этапом в формировании уральского локального текста. Одним из самых больших по объему очерков в этом цикле стали «Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой» (1883). О. В. Зырянов в работе о художественной целостности «Уральских рассказов» пишет о том, что их «можно рассматривать как монолитную книгу, своего рода эпос уральской жизни» [Зырянов 2011: 864]. Говоря об образующей художественную целостность мотививной структуре цикла, исследователь выделяет концептуально-семантическую триаду *Природа – Социум – Человек* [Зырянов 2011: 864]. И эпическое начало, и названные мотивы в полной мере присущи художественному миру очерка о весеннем сплаве.

Мамин-Сибиряк создает свой вариант уральского текста в рамках реалистической традиции последней трети XIX века с характерными для его творчества элементами этнографизма, документального начала, социологичностью авторской позиции. При этом писатель остается в первую очередь мастером слова, не просто делая зарисовки и наброски с натуры, а создавая ряд ярких, запоминающихся литературных образов. Имеет значение то, что Мамин-Сибиряк рассказывает историю сплавов, будучи свидетелем и участником этих событий. Событий масштабных, неотделимых от социально-экономической жизни Урала и уральских заводов эпохи до начала XX века. Поэтому в повествовании появляются элементы текста, которые можно назвать документальными: исторические и географические сведения о Чусовой и Урале, элементы путеводителя. В очерке «Бойцы» есть такие фрагменты: «В шести верстах от деревни Пермьковой стоит на правом берегу боец Писанный. Свое название он получил от надписи, которая сделана на нем в двадцати сажнях от уровня реки. <...> Глядя на эти толщи настланных друг на друга известняков, сланцев и песчаников, исчерченных белыми прожилками доломита, так и кажется, что перед вашими глазами развертывается лист за листом история тех тысячелетий и милли-

онов лет, которые ... пронесли над Уралом» [Мамин-Сибиряк 1958: 71]. «От Урала как геологической морщины мы перейдем теперь к Уралу как нашему историческому порогу в Азию, потому что наша барка подплывает к устью реки Серебрянки, по которой в 1581 году Ермак перевалил в Сибирь» [Мамин-Сибиряк 1958: 73].

Но документальное начало – лишь один из элементов повествования в очерке «Бойцы», как и в некоторых других очерках из цикла «Уральские рассказы». Говоря о традиции очерка и влиянии этого жанра на становление социального реализма в русской прозе 1860–1880-х гг., И. А. Дергачев замечает: «В жанровом “хозяйстве” реализма в это время заметно желание выйти за границы привычных категорий и особенно – стремление подчеркнуть незавершенность произведения, неокончателность художественной мысли» [Дергачев 2005: 32]. Размышляя об очерке как о поле эксперимента, жанре, «на который меньше всего распространяется господство основ художественного метода, выработанных в ходе развития ... реализма», исследователь говорит, что разновидность очерка, близкая творческой манере Мамин-Сибиряка, предполагает «равенство читателя и писателя и их способность интерпретировать факты. Авторское понимание, обнаруживая себя, не претендует на окончательную истину. В очерке утверждается эстетическое достоинство факта» [Дергачев 2005: 33]. Результатом подобного отношения становится художественная структура, предполагающая «своеобразие сюжета, состоящего из ряда относительно самостоятельных повествований, которые в совокупности выстраиваются в общую картину» [Дергачев 2005: 37–38]. Отсюда же и «очерки», а не «очерк» в подзаголовке произведения.

Таким образом, и сцены, составляющие отдельные очерки, и собранные в едином цикле сюжеты «Уральских рассказов» обладают художественной целостностью и образуют масштабную по своему эпическому размаху картину. Этот эпический масштаб особенно заметен в очерке «Бойцы», в центре которого образ весеннего сплава: подготовка к нему, индивидуальные и групповые портреты участников, заводы и пристани, речной и горный ландшафт, наконец, стремительный бег барок по весенней Чусовой. Эпический размах возникает от многолюдных сцен на пристани Каменка, от ощущения энергии труда тысяч людей, их напряжения, силы, боли и радости, когда разные, сведенные судьбой, часто несчастные и обездоленные, они становятся участниками большого общего дела. Именно поэтому, несмотря на разительную социальную несправедливость, нередко невозможную нищету и бесправие сплавщиков (маленькая плата, получаемая за их тяжелый и опасный труд, плесневелые черные корки, размоченные в мутной речной воде вместо обеда – все это точно и пронзительно описано повествователем), отправление каравана барок становится подлинным весенним праздником. С молебном, пушечным выстрелом, народным ликованием и душевным подъемом, который охватывает всех при-

сутствующих (за исключением объевшегося, опившегося и отяжелевшего с самого утра начальства).

Яркими и индивидуальными получаются у Мамин-Сибиряка характеры отдельных сплавщиков – удачливых и не очень, в том числе знаменитого Савоськи. Из жалкого пьяницы, каким мы встречаем его вместе с повествователем в начале очерка, он превращается в опытного, ответственного, вызывающего уважение Савостьяна Максимыча, ведущего барку опасным путем мимо бойцов Чусовой. Для понимания особенностей психологизма очерка важно, что характеры других бурлаков из команды барки, их отношение к делу, черты личности, слабые и сильные стороны натуры читатель видит именно глазами Савоськи. Многолетний опыт сплавщика делает из него пронизательного психолога, умеющего определить, кто как поведет себя на реке, в том числе и в трудной ситуации, которые с большой долей вероятности поджидают любую барку из «железного каравана»: «Я особенно любовался Савоськой, которому достаточно было окинуть взглядом эту пятидесятиголовую толпу, чтобы сразу определить, кто и чего стоит. Тысячи мельчайших примет, приобретенных постоянным обращением ... “на людях”, выработали у Савоськи тот глазомер, который безошибочно определяет микроскопические особенности» [Мамин-Сибиряк 1958: 61].

Но свой индивидуальный характер видит повествователь не только в героях очерка, но и в окружающем ландшафте. «Барка быстро плыла в зеленых берегах, вернее, берега бежали мимо нас, развертываясь причудливой цепью бесконечных гор, крутых утесов и глубоких логов. Это было глухое царство настоящей северной ели... Река неслась как бешеный зверь. В излучинах и закруглениях водяная струя с шипением и сосущим свистом свивалась в один сплошной пенившийся куб, который с ревом лез на камни... В этом бешеном разгуде могучей стихийной силы ключом била суровая поэзия глухого севера, поэзия титанической борьбы с первозданными препятствиями... Это был апофеоз великой борьбы стихийного труженика, для которого было тесно в этих горах и который точил и рвал целые скалы... Нужно видеть Чусовую весной, чтобы понять те поэтические грезы, предания и саги, которые вырастают возле таких рек...» [Мамин-Сибиряк 1958: 56–57]. Художественное пространство формируется не просто образами реки, гор, леса, все они запечатлены в их крайнем выражении, стремительном движении, борьбе. «Стихия», «борьба», «суровый», «труженик» звучат рефреном, причем относятся в очерке и к природе, и к людям. Отмеченная О. В. Зыряновым в качестве образующей художественное единство всего цикла триада *Природа – Социум – Человек* разворачивается в картинах весеннего сплава в тот момент, когда писатель создает ландшафт, в котором переплетаются мотивы бешеной природной стихии, труда, творчества. Описываемая картина имеет свой неповторимый, индивидуальный облик, в контакте с таким ландшафтом формируется жизненный уклад поколений, чей труд и судьба связаны с этими берегами.

Сплав становится сюжетной ситуацией, позволяющей максимально емко раскрыть характеры персонажей. Суровые испытания и тяжелый труд в сочетании с окружающим ландшафтом создают эффект максимальной достоверности и подлинности, высвечивают самые сильные и слабые стороны личности. Неслучайно одна из наиболее ярких и драматичных ситуаций, которой завершается цикл, снова происходит во время сплава. В очерке «Вольный человек Яшка» (1893) перед читателем появляется картина осеннего сплава, бурлаки и сам повествователь страдают от холода и неприютности, в последнюю ночь выпадает снег. Под утро на барку по ошибке садится обессилевшая стая перелетных гусей, и люди начинают с азартом ловить их: ведь это даром доставшийся достаток, еда и прибыль (гуся можно продать по рублю за штуку, а бурлаки за весь многонедельный переход получают всего 8–10 рублей). И в этот момент Яшка, тот самый, который накануне травил байки о своих невероятных охотничьих успехах, умоляет, взывает к совести, просит отпустить несчастных птиц. В итоге гуси спасены, а люди смущены. Автору особенно дорого то, что спасителем гусей оказывается именно Яшка, человек, испытывающий лишения, хуже всех одетый, страшно страдающий от непогоды и холода (суровость осенней реки чувствует сам повествователь). Но Яшка с его вольным характером, проявляющимся даже в том, что он спит всегда под открытым небом, несмотря на холод, способен на жалость и сострадание именно потому, что интуитивно чувствует, понимает законы реки. Нельзя губить слабых, надо беречь жизнь, редкую и особенно дорогую в этих огромных суровых пространствах.

«Одухотворенный реализм» (как называл свой метод Д. Н. Мамин-Сибиряк) не исчерпывается социальными аспектами бытия человека. В «бытовом» материале человек предстает «феноменом экзистенциально-психологического и духовно-религиозного порядка» [Зырянов 2011: 868]. Эти открытия в художественном мире очерков в полной мере воплощаются в сюжетах, посвященных сплаву по Чусовой. В повседневном труде, в лишениях и испытаниях, а подчас и в экстремальной ситуации происходит познание человеческой личности и социума в их глубинной взаимосвязи и взаимодействии с окружающим ландшафтом, воплощением которого становится мир горной реки с ее высокими, поросшими лесом берегами, фарватером, скалами-бойцами, пристанями, деревнями и заводами.

Можно ли утверждать, что Алексей Иванов, создавая свой художественный мир, учитывает литературную традицию, вступает в диалог с текстами Д. Н. Мамина-Сибиряка, в том числе на уровне тематических и сюжетных переключек?

В книгах, действие которых происходит на Урале, А. Иванов постоянно обращается к образу реки, именно река в первую очередь определяет характер культурного ландшафта в его прозе, будь то современная история или историческое повествование [Карнаухова 2011; Подлесных 2006, 2007, 2008; Ребель 2006]. Диапазон исследований, по-

священных миру реки, широк: от этнокультурного образа Чусовой [Карнаухова 2011: 110] до женского начала и эротических коннотаций [Подлесных 2007: 258–263]. Вспомним, что и в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка можно было говорить об олицетворении и индивидуальных чертах образа Чусовой. Г. М. Ребель, вспоминая слова Служкина из романа «Географ глобус пропил», пишет о том, что поиск «смысла реки» – «одна из главных тем всех трех романов Алексея Иванова» (имеются в виду «Географ...», «Сердце пармы» и «Золото бунта») [Ребель 2006].

Особое значение пространству в романах писателя отводят В. В. Абашев и М. П. Абашева: «Порой кажется, что именно пространство в романах Иванова является субъектом действия, а герой, скорее, предстает его инструментом. В романе “Золото бунта” автор неоднократно повторяет мысль о том, что есть общая народная судьба, и она связана с пространством, являясь едва ли не его производной» [Абашев 2010: 85]. Исследователи вслед за А. Г. Габричевским вводят понятие динамического пространства, обнаруживая его в прозе А. Иванова, и возводят такой тип пространственного мышления к модернистской поэзии XX века, соотнося его с творчеством А. Белого, О. Мандельштама и особенно Б. Пастернака. «Пространство Иванова подвижно, наделено свойствами живой первичной субстанции – такое пространство порождает в своем движении вещи» [Абашев 2010: 83]. Главными элементами уральского поэтического ландшафта, в том числе и в романе «Золото бунта», по мысли авторов, становятся горы и реки.

Мир реки, в первую очередь Чусовой, как и в «Уральских рассказах» Мамина-Сибиряка, действительно занимает центральное, сюжетообразующее место в прозе А. Иванова. При этом есть у писателя и прямые отсылки к творчеству Мамина-Сибиряка. Они обнаруживаются и в его документальных произведениях. Стоит заметить, что одной из особенностей творчества Алексея Иванова стало наличие своеобразных «пар» художественных и документальных книг, дополняющих друг друга. Такими стали «Ёбург» и «Ненастье», «Тобол» и «Дебри», «Золото бунта» и «Вилы». Но гораздо раньше, чем «Вилы», появляется «Message: Чусовая» (2007) – литературное путешествие по уральской реке. Повествование напоминает некоторые страницы «Бойцов» и других более ранних очерков Мамина-Сибиряка, описывающих путешествие по Чусовой, в тех местах, когда в них преобладает документальное начало.

Эта книга не является непосредственной «парой» к роману «Золото бунта». Она созвучна всем трем первым романам А. Иванова, в том числе «Географу...» и «Сердцу пармы» (в каждом из которых важное место занимает образ сплава), а с точки зрения времени действия соотносится именно с «Географом...». Но Географ и его ученики плывут по пермской Ледяной, а вот маршрут Осташи из «Золота бунта» в значительной части пути совпадает с движением повествователя в травелог. Кроме того, в «Message: Чусовая» неоднократно упоминается Д. Н. Мамин-Сибиряк: и его творчество, и

тема «железных караванов», которой посвящена одноименная шестая часть книги. «Сплав “железных караванов” – одна из самых ярких и самобытных страниц истории Чусовой... хотя в действительности такие караваны плавали и по Уфе, и по Белой, и по Вишере. Правда этим рекам не нашлось такого “певца”, какой появился у Чусовой» [Иванов 2007: 331]. Далее А. Иванов рассказывает историю появления «Бойцов» в «популярнейшем журнале “Отечественные записки”» в 1883 году и замечает, что очерк о путешествии на «железном караване» «произвел огромное впечатление: русская публика (как тогда, так и сейчас) мало знала о специфической уральской жизни и была шокирована ее драматизмом. И название “Чусовая” впервые прозвучало по всей читающей России» [Иванов 2007: 331]. Говоря о позиции автора, следует отметить не только признание литературной предметности, но и то, что спустя 100 с лишним лет после успеха «Бойцов» он чувствует себя снова в какой-то мере первооткрывателем сюжета сплава уже для современного читателя.

Итак, согласно литературному свидетельству А. Иванова, очерковая проза Д. Н. Мамина-Сибиряка, запечатлевшая образ большого промышленного сплава по Чусовой, становится одним из важных источников, благодаря которому создается мир уральской реки¹. В творчестве самого Иванова масштабно разработанная тема «железных караванов» впервые появляется за два года до выхода «Message: Чусовая», в романе «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» (2005). И если название содержит главную интригу романа, то подзаголовок сразу отсылает к сюжету сплава по узкой бурной реке.

Роман начинается с плавания главного героя Осташи, сына знаменитого сплавщика Перехода, по Чусовой и его воспоминаний о драматическом эпизоде, когда отец спасает барку и доверившуюся ему команду от гибели на знаменитом бойце Разбойнике [Иванов 2017: 9–12]. А четвертая часть романа под названием «Железные караваны» во многом повторяет сюжет очерка «Бойцы»: Осташа, как и повествователь в очерке, приезжает на ту же самую пристань Каменка в разгар подготовки к сплаву. Перед читателем так же разворачиваются вереница характеров, трудная подготовка к сплаву, открытие навигации, которое выглядит как настоящий народный праздник, спуск на воду барок каменского каравана, бесконечная череда расцвеченных флагами заводов и пристаней судов, мчащихся по полноводной Чусовой. «И тотчас Осташа

увидел сам: по Чусовой, по стрежню, бежала первая барка. <...> С пристани кричали, свистели, махали шапками. В ответ с барки по-щенячьи задорно и звонко тявкнула сигнальная пушчонка... Ревдинцы любили пальбу и лихую бахвалу. Барка ревдинского караванного промчалась мимо каменного распада, и тотчас за ней пролетела вторая барка, третья, четвертая... Осташа знал, что за горой вся Чусовая до самой сизой мглы окоема покрыта россыпью белых судов» [Иванов 2017: 496–497]. Стремительно несущиеся по бурной реке (в которую дополнительно спускают воду из заводских прудов; и эта деталь отмечена в описании сплава и у Мамина-Сибиряка, и у Иванова), кажущиеся бесконечными караваны барок придают сюжету романа широту, динамику, энергию, ощущение силы. Благодаря повествованию от третьего лица в «Золоте бунта» создается панорамная, большая по эпическому размаху картина, тогда как в очерке «Бойцы» она ограничена взглядом личного повествователя.

Остафий, как и повествователь в «Бойцах» Д. Мамина-Сибиряка, плывет в составе «железного каравана». Они идут, что неудивительно, одним и тем же маршрутом мимо знаменитых скал бойцов Чусовой, которые грозят смертельной опасностью судам и командам. И хотя повествователь в очерке описывает события сплава 80-х гг. XIX века, а действие в романе А. Иванова происходит на 100 лет раньше, сама река и ситуация изменились не слишком, и живые впечатления мастера уральской прозы девятнадцатого столетия отзываются в художественной реконструкции сплава в романе «Золото бунта».

Конечно же, очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка и исторические романы Алексея Иванова – произведения, написанные в разные эпохи и в рамках разных художественных традиций. Если Мамин-Сибиряк создает реалистическую картину, рационально объясняющую уральский мир (что не отменяет порой поэтического взгляда и ощущения неразгаданной тайны), то основой стратегии А. Иванова становится многократно воспроизведенный уральский миф (отсюда и знаменитая «уральская матрица» – формула, которую очень любит сам писатель). В каждом из романов рассказана своя история, при том что «уральская матрица», воплощенная прежде всего в ландшафте (и не отделимом от него человеке), остается такой же исполненной движения, поэзии, хтонической мощи. Так, в романе «Географ глобус пропил» Виктор Служкин во время откровенного разговора с Машей, пытаясь объяснить ученице, что такое мир реки, читает ей свое стихотворение о реке Ледяной. Эта баллада становится концентрированным воплощением веков уральской истории, а «Ледяной голубые росстани» раскрывают героя, его характер и мироощущение не меньше, чем поступки. Образ реки в этом романе все время проступает в урбанистическом пространстве первых двух третей романа и мощно разливается, занимая последнюю треть повествования, которая является, по сути, историей сплава.

Тем интереснее отметить сходства и различия

¹ Известно, что А. Иванов невысокого мнения о литературном таланте Мамина-Сибиряка. В очерке «Уральская матрица» он пишет: «Не повезло и Мамину-Сибиряку, который, как и Тащицев, выполнил все условия “матрицы”. Кроме последнего – чуда. Мамин-Сибиряк оказался беден талантом, не было в нем этого чуда, а потому и “матрица” осталась глуха, сколько бы ни цитировали Мамина краеведы» [Иванов. URL]. Тем не менее приведенные выше цитаты из книги «Message: Чусовая» свидетельствуют, что автор отдает должное предшественнику, который первым среди литераторов разрабатывал эту тему и оставил драгоценные живые свидетельства очевидца.

в создании образа сплава у двух писателей. В «Золоте бунта» иное по типу, нежели в очерках, повествование. Алексей Иванов пишет не просто исторический роман, но роман авантюрный (вслед за Н. Д. Тамарченко мы определяем авантюрную литературу как «литературу путешествий и приключений» [Поэтика 2008: 8–9]), еще и с детективной интригой. Художественный мир романа рождается не только из зорко подмеченных и воссозданных картин – зарисовок действительности последней трети XIX века, как у Мамина-Сибиряка. В основе сюжета лежит легенда о пугачевском золоте, кладе бунтовщиков, спрятанном где-то в пещере на Чусовой (еще более распространены в уральской традиции аналогичные легенды о кладах Ермака). Именно эта легенда вместе с архетипической историей о сыне, ищущем отца, становится двигателем сюжета большого романа, который, по замыслу автора, начинает приобретать черты уральского эпоса или уральской телемахиды.

При этом А. Иванов выстраивает свой интригующий авантюрный сюжет на прочном костяке уральской истории. Эпический размах роману «Золото бунта» с его достаточно локальной интригой придает наряду с историческим фоном именно путь Осташи. И значительная, самая большая и важная часть этого пути проходит в плавании по Чусовой и ее притокам как на легкой лодке-шитике, так и на барке «железного каравана». Именно сплав по Чусовой и для отца, и для сына становится стержневым, главным событием и испытанием на человеческую состоятельность. Ведь он связан с ответственностью и за порученное дело, и за судьбы и жизни людей.

Осташа и его отец – самые важные персонажи в романе – сплавщики. Опыт сплава – главное наследие, которое оставляет отец сыну. Автор в какой-то мере воспроизводит сюжет «Пятнадцатилетнего капитана», хотя, как и в романе Ж. Верна, чуда не происходит: свою барку Осташа разбивает. Это одновременно драматический и правдоподобный сюжетный ход, перекликающийся с аналогичными ситуациями крушения барок в очерках сплава у Мамина-Сибиряка.

Герой, которого волнует загадка исчезновения его отца, ушедшего с бунтовщиками-пугачевцами, и который любой ценой стремится восстановить семейную честь, в общем-то персонаж малосимпатичный. Максимализм молодости, упрямство и настойчивость приводят к тому, что на пути к цели Осташа эгоистичен, в своем расследовании судьбы отца и тайны пугачевского золота он переступает через людей, нередко губит других персонажей (подробнее жанровые модификации исторических романов «Сердце пармы» и «Золото бунта» и различия их главных героев, князя Михаила и Осташи, исследованы в статье Г. М. Ребель [Ребель 2006]).

Но именно путь сплавщика «вниз по реке теснин» приводит персонажа к разгадке тайны как главной цели, к которой он стремится на протяжении всего действия. И в последних частях романа, четвертой и пятой, где полностью разворачивается сюжетная линия сплава, истина открывается герою.

Конечно, Осташа не меняется и не перерождается чудесным образом к финалу, его образ создан вполне реалистично. Но все же путь по реке, связанный с постижением законов, по которым живет мир Чусовой, возможно, становится исходной точкой для самопознания и будущей внутренней эволюции персонажа. Неслучайно, чем ближе к финалу, тем больше накапливается усталость: не столько физическая, мало свойственная молодому крепкому парню, сколько внутренняя, душевная. Это и есть знак трудного опыта, пока еще не до конца осмысленного и воспринятого героем.

Сюжет сплава как ситуация преодоления и познания в какой-то мере роднит прозу Мамина-Сибиряка и А. Иванова. Сложный и опасный путь по уральской реке воспринимается не как романтический порыв, а как повседневный тяжелый труд, даже обыденность. Такое восприятие формирует стоицизм мироотношения (чаще всего стихийный), рожденный контактом с уральским ландшафтом. Мир реки живет по своим законам, они суровы, но подчас гораздо более справедливы, чем законы социума в целом. Успех и просто выживание на сплаве зависят от силы, энергии, труда человека, может быть, больше, чем в другом месте и в другой ситуации. Сурова и красота этого мира, которую тоже по большей части стихийно воспринимают персонажи очерков Д. Мамина-Сибиряка и романов А. Иванова.

Подводя итоги исследования, выделим несколько моментов. В произведениях Д. Мамина-Сибиряка и А. Иванова, действие которых происходит на Урале, мир реки становится важным, иногда центральным элементом создаваемого авторами художественного пространства. Сюжет сплава «железных караванов» формирует не только причинно-следственную связь событий в текстах, но и определяет логику взаимоотношений ландшафта и человека, задает повествованию эпический масштаб.

Преимственность традиции связана с уникальным творческим опытом Д. Н. Мамина-Сибиряка, который застал последние десятилетия промышленных сплавов по Чусовой и создал убедительные художественные картины «железных караванов», ставшие одним из источников литературной реконструкции исторической реальности в прозе А. Иванова. Отличия связаны с жанровыми особенностями произведений писателей: в очерках Д. Мамина-Сибиряка переплетаются документальные элементы повествования и художественные образы; в творчестве А. Иванова история «горнозаводской цивилизации» становится основой для модернистского мифа, конструирующего «уральскую матрицу» и воплощающегося в виде увлекательного авантюрно-приключенческого сюжета.

Жанровые различия обуславливают и стилистические особенности прозы двух авторов. Повествование Д. Мамина-Сибиряка более ровное и размеренное, хотя в сюжетах сохраняется напряжение, а писатель склонен создавать яркие, неординарные ситуации. В романах А. Иванова, прежде всего в авантюрно-приключенческой и детективной истории «Золота бунта», динамика сюжетного движения усиливается, темп и драматизм событий

нарастают, сплав становится экстремальной (нередко трагической) ситуацией, которая в максимальной степени помогает раскрыть характеры персонажей. Жесткие реалии сплава позволяют

открыть законы мира реки и сложную взаимосвязь ландшафта и человека, неотделимого от довлеющего над ним пространства и все же стремящегося обнаружить свою самость.

Литература

Абашев, В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : [б. и.], 2008. – 496 с.

Абашев, В. В. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 81–91.

Дергачев, И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870–1890-х годов / И. А. Дергачев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 283 с.

Дергачев, И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность и творчество / И. А. Дергачев. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1981. – 336 с.

Зырянов, О. В. «Уральские рассказы» Д. Н. Мамина-Сибиряка как художественная целостность / О. В. Зырянов // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 5. Уральские рассказы. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2011. – С. 854–873.

Иванов, А. В. Message: Чусовая / А. В. Иванов. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 480 с.

Иванов, А. В. Золото бунта / А. В. Иванов. – М. : Издательство «АСТ», 2017. – 701 с.

Иванов, А. В. Уральская матрица / А. В. Иванов. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%98/ivanov-aleksej-viktorovich/uraljskaya-matrica> (дата обращения: 01.03.2024). – Текст : электронный.

Каганский, В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сб. статей / В. Л. Каганский. – М. : Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.

Карнаухова, О. А. Образ реки в романе А. Иванова «Золото бунта, или вниз по реке теснин»: лингвостилистический аспект / О. А. Карнаухова. – Текст : электронный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-reki-v-romane-a-ivanova-zoloto-bunta-ili-vniz-po-reke-tesnin-lingvostilisticheskiy-aspekt/viewer> (дата обращения: 01.03.2024).

Коноплева, О. С. Фольклоризм «Уральских рассказов» Д. Н. Мамина-Сибиряка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Коноплева. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 22 с.

Кунгурцева, Н. А. Река Чусовая в раннем творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / Н. А. Кунгурцева // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Вып. 3 : в 2 т. Т. 2. – Екатеринбург : Уро РАН ; ИД «Союз писателей», 2007. – С. 250–258.

Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. Уральские рассказы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – М. : Издательство «Правда», 1958. – 563 с.

Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 5. Уральские рассказы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2011. – 906 с.

Мельникова, А. В. Повествовательные особенности малой прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка периода «второго дебюта» (1881–1882 гг.) / А. В. Мельникова // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Вып. 7. Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей) : в 2 т. Т. 2. – Екатеринбург : Уро РАН ; ИД «Союз писателей», 2007. – С. 52–59.

Митрофанова, Л. М. «Урал», «Зауралье», «Россия» и «Сибирь»: перекресток понятий в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. М. Митрофанова // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Вып. 4. – Екатеринбург : Институт Истории и археологии Уро РАН, 2008. – С. 130–136.

Паэгле, Н. М. Дмитрий Мамин-Сибиряк / Н. М. Паэгле. – Екатеринбург : Издательский Дом «СОКРАТ», 2017. – 640 с.

Подлесных, А. С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Подлесных. – Екатеринбург : [б. и.], 2008. – 24 с.

Подлесных, А. С. Кама в художественном пространстве романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор» / А. С. Подлесных // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Вып. 2. – Екатеринбург : Уро РАН ; Издательский дом «Союз писателей», 2006. – С. 76–81.

Подлесных, А. С. Эротические коннотации образа Чусовой в романе А. Иванова «Золото бунта» / А. С. Подлесных // Литература Урала: история и современность : сб. статей. Вып. 3 : в 2 т. Т. 2. – Екатеринбург : Уро РАН ; ИД «Союз писателей», 2007. – С. 258–265.

Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. – 358 с.

Ребель, Г. М. Явление Географа, или Живая вода романов Алексея Иванова / Г. М. Ребель. – Текст : электронный // Знамя. – 2006. – № 4. – URL: <https://magazines.gorky.media/october/2006/4/yavlenie-geografa-ili-zhivaya-voda-romanov-alekseya-ivanova.html> (дата обращения: 01.03.2024).

References

Abashev, V. V, Abasheva M. P. (2010). Poeziya prostranstva v proze Alekseya Ivanova [Poetry of Space in Prose by Alexey Ivanov]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 81–91.

- Abashev, V. V. (2008). *Perm' kak tekst: Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a Text: Perm in 20th Century Russian Culture and Literature]. Perm. 496 p.
- Dergachev, I. A. (1981). *D. N. Mamin-Sibiryak: Lichnost' i tvorchestvo* [D. N. Mamin-Sibiryak: Personality and Creativity]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 336 p.
- Dergachev, I. A. (2005). *D. N. Mamin-Sibiryak v russkom literaturnom protsesse 1870–1890-kh godov* [D. N. Mamin-Sibiryak in the Russian Literary Process 1870–1890s]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. 283 p.
- Ivanov, A. V. (2007). *Message: Chusovaya* [Message: Chusovaya]. Saint Petersburg, Izdatel'skii Dom «Azbuka-klassika». 480 p.
- Ivanov, A. V. (2017). *Zoloto bunta* [Gold of Revolt]. Moscow, Izdatel'stvo «AST». 701 p.
- Ivanov, A. V. *Ural'skaya matritsa* [Ural Matrix]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%Do%98/ivanov-aleksej-viktorovich/ural'skaya-matrica> (mode of access: 01.03.2024).
- Kagansky, V. L. (2001). *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p.
- Karnaukhova, O. A. (2011). *Obraz reki v romane A. Ivanova «Zoloto bunta, ili vniz po reke tesnin»: lingvisticheskiy aspekt* [The Image of the River in A. Ivanov's Novel “Gold of Revolt, or Down the River Tesnin”: Linguistic and Stylistic Aspect]. In *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I Kanta*. Issue 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-reki-v-romane-a-ivanova-zoloto-bunta-ili-vniz-po-reke-tesnin-lingvisticheskiy-aspekt/viewer> (mode of access: 01.03.2024).
- Konopleva, O. S. (2008). *Fol'klorizm «Ural'skikh rasskazov» D. N. Mamina-Sibiryaka* [Folklorism of the “Ural Stories” by D. N. Mamin-Sibiryak]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 22 p.
- Kungurtseva, N. A. (2007). *Reka Chusovaya v rannem tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka* [Chusovaya River in the Early Work of D. N. Mamin-Sibiryak]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statei*. Issue 3, in 2 vols. Vol. 2. Ekaterinburg, Uro RAN, ID «Soyuz pisatelei», pp. 250–258.
- Mamin-Sibiryak, D. N. (1958). *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works, in 10 vols.]. Vol. 4. Ural'skie rasskazy. Moscow, Izdatel'stvo «Pravda». 563 p.
- Mamin-Sibiryak, D. N. (2011). *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collected Works, in 20 vols.]. Vol. 5. Ural'skie rasskazy. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 906 p.
- Melnikova, A. V. (2007). *Povestvovatel'nye osobennosti maloi prozy D. N. Mamina-Sibiryaka perioda «vtorogo debuta» (1881–1882 gg.)* [Narrative Features of the Small Prose of D. N. Mamin-Sibiryak of the Period of the “Second Debut” (1881–1882)]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statei*. Issue 7. Literatura i istoriya – grani edinogo (k probleme mezhdistsiplinarnykh svyazei), in 2 vols. Vol. 2. Ekaterinburg, Uro RAN, ID «Soyuz pisatelei», pp. 52–59.
- Mitrofanova, L. M. (2008). «Ural», «Zaural'e», «Rossiya» i «Sibir'»: perekrestok ponyatii v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka [“Ural”, “Trans-Urals”, “Russia” and “Siberia”: The Intersection of Concepts in the Work of D. N. Mamin-Sibiryak]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statei*. Issue 4. Ekaterinburg, Institut Istorii i arkheologii Uro RAN, pp. 130–136.
- Paegle, N. M. (2017). *Dmitrii Mamin-Sibiryak* [Dmitry Mamin-Sibiryak]. Ekaterinburg, Izdatel'skii Dom «SOKRAT». 640 p.
- Podlesnykh, A. S. (2006). *Kama v khudozhestvennom prostranstve romana A. Ivanova «Cherdyn' – knyaginya gor»* [Kama in the Artistic Space of A. Ivanov's Novel “Cherdyn – Princess of the Mountains”]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statei*. Issue 2. Ekaterinburg, Uro RAN, Izdatel'skii dom «Soyuz pisatelei», pp. 76–81.
- Podlesnykh, A. S. (2007). *Eroticheskie konnotatsii obraza Chusovoi v romane A. Ivanova «Zoloto bunta»* [Erotic Connotations of the Image of Chusova in A. Ivanov's Novel “Gold of Revolt”]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statei*. Issue 3, in 2 vols. Vol. 2. Ekaterinburg, Uro RAN, ID «Soyuz pisatelei», pp. 258–265.
- Podlesnykh, A. S. (2008). *Geopoetika Alekseya Ivanova v kontekste prozy ob Urale* [Geopoetics of Alexey Ivanov in the Context of Prose about the Urals]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 24 p.
- Rebel, G. M. (2006). *Yavlenie Geografa, ili Zhivaya voda romanov Alekseya Ivanova* [The Phenomenon of the Geographer, or the Living Water of Alexey Ivanov's Novels]. In *Znamya*. No. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2006/4/yavlenie-geografa-ili-zhivaya-voda-romanov-alekseya-ivanova.html> (mode of access: 01.03.2024).
- Tamarchenko, N. D. (Ed.). (2008). *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics: Dictionary of Actual Terms and Concepts]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada. 358 p.
- Zyryanov, O. V. (2011). «Ural'skie rasskazy» D. N. Mamina-Sibiryaka kak khudozhestvennaya tselostnost' [“Ural Stories” by D. N. Mamin-Sibiryak as an Artistic Integrity]. In Mamin-Sibiryak, D. N. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* Vol. 5. Ural'skie rasskazy. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 854–873.

Данные об авторе

Тагильцев Александр Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: bfi10zer@yandex.ru.

Author's information

Tagiltsev Alexander Vasilyevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department Literature and Its Methods of Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).